

Боярин А.С. Шеин: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики

Александр Авдеев

A.S. Shein: A noble man of Peter I's epoch of in the mirror of epigraphy

Alexander Avdeev

(Saint Tikhon Orthodox University, and Dmitry Pozharsky University, Russia)

Одним из главных достижений русской книжности XVII в. академик Д.С. Лихачёв назвал открытие ценности человеческой личности. Исследователь сумел уловить одну важную особенность развития древнерусской книжности в XVI–XVII вв. – стремление нелитературных произведений стать литературными. Вместе с тем Д.С. Лихачёв отмечал «просветительский» характер этой эпохи на Руси¹. В полной мере это можно отнести и к эпиграфическим памятникам тех лет. В последней четверти XVII в. в них нарастают изменения, связанные с открытием ценности человеческой личности. Это и увеличение числа информативных единиц в надгробиях, которые не столько отмечают место захоронения человека, сколько сообщают читателям о его жизни; и появление стихотворных эпитафий, где отражаются индивидуальные характеристики конкретных людей. С началом петровских реформ эпиграфические памятники фиксировали стремительное превращение Московской Руси в Новую Россию.

Традиционные источники в изучении этого процесса – памятники книжности, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства². Однако надписи тех лет пока не привлекали большого внимания историков³. Отдельные исследования, опирающиеся на стихотворные эпитафии времени петровских преобразований как источники, характеризующие личность и эпоху, принадлежат А.П. Богданову⁴

© 2015 г. А.Г. Авдеев

¹ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси // *Лихачёв Д.С. Избранные работы в 3 томах.* Т. 3. Л., 1987. С. 135–136, 150–151; *он же.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили // Там же. Т. 1. Л., 1987. С. 247–248.

² Панченко А.М. *Русская культура кануна петровских реформ.* Л., 1984; Дёмин А.С. *Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в.: новые художественные представления о мире, природе, человеке.* М., 1977; *он же.* Писатель и общество в России XVI–XVII вв. (Общественные настроения). М., 1985; Сазонова Л.И. *Литературная культура России. Раннее Новое время.* М., 2006; Чёрная Л.А. *Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени.* М., 1989.

³ Лаврентьев А.В. *Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы.* М., 1997.

⁴ Богданов А.П. Стих и образ меняющейся России. Последняя четверть XVII – начало XVIII в. М., 2005; критику см.: Авдеев А.Г. *Русская стихотворная эпитафия последней четверти XVII – начала XVIII в. как фактор культуры восточнославянского барокко* // Истоки и традиции славянской письменности и культуры. Материалы областной научно-практической конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры (Московский государственный областной гуманитарный институт, 23 мая 2012). Орехово-Зуево, 2012. С. 70–101.

и Л.Б. Сукиной⁵, но они основаны на рукописных произведениях, не всегда попадавших в реальную эпиграфику. Значимость надписей начала 1680-х – конца 1690-х гг. для характеристики личности человека в контексте эпохи показана в ряде статей автора данной работы⁶.

Объектом данного исследования является малоизвестный комплекс надписей, связанных с Алексеем Семёновичем Шеиным (1652–1700), анализ которых проводится впервые.

Человек эпохи петровских преобразований жил в двух временных измерениях: как показывает надгробие А.П. Апраксина, сохранившееся в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры (Санкт-Петербург), он, родившись в 7198 г. от Сотворения мира, умер в 1725 г. от Рождества Христова⁷.

Карьера А.С. Шеина не предвещала «вертикальных взлётов». С 1674 г. он служил комнатным спальником царя Алексея Михайловича, а после его смерти остался при Фёдоре Алексеевиче в той же должности, не только почётной, но и дававшей вес при дворе и возможность влиять на политические дела. Однако Шеин не принадлежал к ближайшим советникам царей. 1680–1685 гг. он провёл вдали от Москвы – сначала воеводой в Тобольске, потом в Курске, а чин боярина получил за несколько дней до смерти Фёдора Алексеевича, 5 мая 1682 г.⁸ Военную карьеру Шеин начал в регентство царевны Софьи, когда в чине воеводы участвовал в двух Крымских походах. Вскоре Шеин попал в окружение царя-реформатора, поддержав его в борьбе с регентшей, и активно включился в процесс преобразований.

Сравнительно недавно О.Г. Агеева подняла вопрос о формах, особенностях и результатах европеизации петровской Руси, центром которой правомерно считает царский Двор. По её мнению, существенными показателями этого процесса стали проникновение в наш язык иностранной лексики, модернизация церемониалов, появление нового этикета, иноземной одежды, изменения форм православного богослужения⁹. Но если источники, к которым обращалась Агеева, позволяют увидеть перемены на «макроуровне», то эпиграфические памятники дают возможность проследить соотношение модернизации и традиции на уровне конкретной личности, чья жизнь пришлась на начало преобразований.

Нарративные источники рисуют Шеина как личность, проникнутую духом новой культуры, насаждавшейся Петром I. В этом боярин всегда был впереди

⁵ Сукина Л.Б. «Эпитафия Димитрию Ростовскому» Стефана Яворского в контексте культуры переходного времени // История и культура Ростовской земли, 2004. Ростов, 2005. С. 125–130.

⁶ Авдеев А.Г. Барочные и агиографические черты в первой эпитафии патриарху Никону архимандрита Германа // Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции. М., 2007. С. 299–317; он же. К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Фёдора Ивановича Троекурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21–22 октября 2011 г. Ярославль, 2012. С. 209–222; он же. Стихотворная эпитафия черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба // «Отголосок прошедшего в будущем». Сборник научных статей преподавателей и аспирантов исторического факультета. М., 2012. С. 80–92.

⁷ Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Т. 1. Благовещенская и Лазаревская усыпальницы. СПб., 2004. С. 23–24.

⁸ Богословский М.М. Пётр Великий. Материалы для биографии. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 6 марта 1697 г. М., 2005. С. 271; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 236, 393, 394.

⁹ Агеева О.Г. Императорский двор России XVIII века: между модернизацией и традицией // Российская история. 2014. № 1. С. 54–74.

других и первым «пожертвовал бородой, подставив её под ножницы»¹⁰. Существует точка зрения, что во время Второго Азовского похода Шеин получил чин «первого русского генералиссимуса» – главнокомандующего сухопутными войсками. Однако среди учёных второй половины XVIII в. единства в данном вопросе не было: внук Патрика Гордона Александр Гордон именовал его генералиссимусом¹¹, российский же историк В.Г. Рубан, автор одного из первых трудов по истории Азовских походов, писал о назначении Шеина «боярином и воеводой»¹². Исследователям XIX в. полководец представлялся фигурой второстепенной: Н.Г. Устрялов упомянул его лишь однажды – в числе, получивших награды за взятие Азова¹³, С.М. Соловьёв назвал полководца нейтрально – «главным начальником»¹⁴. Одним из первых, кто стал именовать Шеина первым русским генералиссимусом, был А.Г. Брикнер¹⁵. В советское время эту мысль поддержал и развил М.М. Богословский¹⁶, а в начале XXI в. А. Шеин и В. Могильников уже сочли её не подлежащей сомнению¹⁷.

Обратимся к источникам. Единственным прямым свидетельством назначения Шеина генералиссимусом является запись в дневнике П. Гордона от 14 декабря 1695 г.: «Его В-во... взял меня с собою к генералу Лефорту... вместе с другим генералом, Автономом Головиным, и прочими. Там мы совещались о выборе генералиссимуса и адмирала. Поскольку дело подготовлено заранее, было решено, что должно быть боярину князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому; если же он заболит, ...тогда быть боярину Алексею Семёновичу Шеину»¹⁸. В переписке с зарубежными корреспондентами Ф. Лефорт называл его генералиссимусом (*generalissimus*) или генералом (*general*)¹⁹. Впрочем, данные источники носят личный характер и официальными документами не являются.

Официальное назначение быть «большаго полку боярином и воеводой» Шеин получил 2 февраля 1696 г. В документах Разрядного приказа времени Второго Азовского похода и в более поздних указах Петра I полководец именуется только так²⁰. Этим же чином царь-реформатор называл его в письмах, и лишь единственный раз упомянул Шеина как генералиссимуса – в письме

¹⁰ Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 87.

¹¹ Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. Vol. I. Aberdeen, 1755. P. 105.

¹² Рубан В.Г. Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное оттуды с победоносным воинством возвращение в Москву, с торжественным описанием всех военных и торжественных происшествий и с именным списком бывших при том: Сухопутных и Морских, Великороссийских и Малороссийских, вышних и нижних Военачальников числе всех Войск и чиненных оным наград. СПб., 1773. С. 1, 189.

¹³ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 303.

¹⁴ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения. Т. VII. М., 1991. С. 514.

¹⁵ Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. I. СПб., 1903. С. 155–156.

¹⁶ Богословский М.М. Указ. соч. С. 268.

¹⁷ Шеин А., Могильников В. Первый русский генералиссимус Алексей Семёнович Шеин. М., 2002.

¹⁸ Гордон П. Дневник. 1690–1695. М., 2014. С. 428.

¹⁹ Ф. Лефорт. Сборник документов и материалов. М., 2006. С. 188, 204.

²⁰ Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. Стб. 934, 940, 944, 946, 959–962; 965–966, 970–971, 974, 980, 984, 985, 987, 1025, 1041–1042; ПСЗ-I. Т. 3. № 1539. С. 224; № 1574. С. 280; № 1616. С. 427; № 1634. С. 455; № 1638. С. 457; № 1648. С. 483; № 1658. С. 526; № 1669. С. 532; № 1682. С. 611; Ф. Лефорт. Сборник документов... С. 182, 190–191, 206, 216, 221.

к А.А. Виниусу от 16 августа 1696 г. по случаю планировавшегося триумфа в честь победы под Азовом²¹.

Суть дела, очевидно, кроется в синонимичности терминов. В Московской Руси генералиссимусами, равно как и «большими воеводами», называли западноевропейских военачальников²². Поэтому П. Гордон именовал Шеина привычным ему званием, так же как и голландец Иоганн Корб (однако последний чаще называет его большим воеводой или просто воеводой)²³. В «Песни о взятии Азова в 1696 г.» полководец назван привычно – «мудрым боярином воеводой»²⁴. Для Петра I «игра в чины» была отчасти «игрой в Европу»: в начале 1690-х гг. он произвёл в генералиссимусы потешных войск И.И. Бутурлина и Ф.Ю. Ромодановского, которые сохранили этот чин и позднее; последний – будучи князем-кесарем (генералиссимусом его именует и Корб)²⁵. Примеры проникновения западноевропейской военной терминологии в язык петровской эпохи даёт сам Шеин: в письмах он использовал слова «каптейн» (капитан), «обмирал» (адмирал), «гаван» (гавань), «ынжынер» (инженер)²⁶. Таким образом, весь комплекс источников позволяет считать назначение Шеина «первым русским генералиссимусом» одним из историографических мифов, возникшим в начале XX в.

М.М. Богословский верно отметил, что назначение боярина, почти не имевшего военного опыта, главнокомандующим сухопутными силами под Азовом, для Петра I было «игрой в генералиссимусы»: боярин был нужен царю «только как подставная, но почётная фигура, через которую действовать он рассчитывал сам»²⁷. Об этом же писал Н.И. Павленко²⁸. После победы под Азовом боярин участвовал в первом триумфе, устроенном в Москве (1697), став первым русским полководцем, чьи подвиги восхвалялись в стихах и первом панегирическом канте по случаю взятия Азова²⁹.

Шеин принадлежал к слою служилых людей, уже подвергнувшемуся вестернизации. Его поколение ещё не было обременено тяготами пожизненной службы и могло обустроить комфортное домашнее жилище³⁰. После возвращения из Азовского похода (сентябрь 1696 г.) полководец реконструировал родовые палаты, располагавшиеся в центре Москвы, на Ильинке. 1 сентября 1698 г. в них состоялось пиршество по случаю новолетия, отмечавшееся «с царской пышностью», но без традиционной религиозности (Шеин первым организовал нетрадиционный праздник, ставший прообразом будущих ассамблей). Наряду с «невероятным почти множеством бояр, гражданских и военных чиновников»,

²¹ Ф. Лефорт. Сборник документов... С. 189; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I (1688–1701). СПб., 1888. С. 59, 62, 63, 93, 94, 103, 104, 106, 107, 109, 110, 206, 212.

²² Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 4. СПб., 2011. С. 75.

²³ Корб И. Указ. соч. С. 71, 105, 166 (генералиссимус); 75 (большой воевода); 87, 90, 124, 138, 140, 171 (воевода); 170 (боярин и большой воевода).

²⁴ Позднеев А.В. Песнь о взятии Азова в 1696 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. СПб., 1954. С. 354.

²⁵ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 60, 156, 561; Корб К. Указ. соч. С. 241.

²⁶ Письма и бумаги... С. 571, 572, 677, 714.

²⁷ Богословский М.М. Указ. соч. С. 268.

²⁸ Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990. С. 51; он же. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 145.

²⁹ Позднеев А.В. Песнь о взятии Азова... С. 354–355.

³⁰ Разительный контраст с палатами Шеина дают неустроенные «дворянские гнёзда» первой половины XVIII в. См.: Шитилов А.В. Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в. // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 89–102.

здесь присутствовал Пётр I, устроивший «большие тосты под стрельбу пушек» и обрезывание боярских бород³¹.

Палаты Шеина были украшены многочисленными надписями, раскрывавшими важные, не отмеченные в иных источниках, черты его личности. Прежде всего – это внешняя устремлённость к полной европеизации быта.

Стараясь устроить жилище в новомодном стиле, полководец одним из первых в Москве «придумал» родовой герб в виде парящего орла и поместил его изображение в палатах, заказав придворному поэту Кариону Истомину стихотворные подписи к нему, которые должны были продемонстрировать приверженность хозяина дома европейской культуре³²:

НА ГЕРБѢ ШЕИ ^н	
ОРЕЛА В ВОЗДУХѢ ВЫСОКО ЛѢТАЕТ	ШЕИНЫ ДѢЛА, СЛАВНЫ И ДРЕВНЫ ПО ПЛАВЕТ,
2 РУССКОЕ ЦРКВЬ БОЛШЕЕ СЛАВНОЕ,	ИЖЕ К ХРІТУ БѢЖИТИ СВОЮ В СВЯТОТѢ
	ПРАВНО.
3 ЛЕВЫЙ КЪ ЦАРЕМЪ ВЪРЕН И ХРАБРЪ КЪ СЛУЖБѢ	СВЯТОСЛАВНОЕ ВСЕ ЛЕТИ И ЛЮДЕЙ ПАРИТ
	В ДРУЖБѢ.
4 И В СЕ ПЛАТИТЪ ВСЕГДА СЛАВНО БѢ.	ЖИВИ ОНЪ О ДОМОМЪ ЗДРА, ЧЕСТНО ЛЕТИ
	МНОГО.
5 СЫНА СЕРГІЯ ЛЕВЧИЧЕВИЧА	В НАСЛАДСТВО РОДА ВЗРАСТИТЪ БѢ ДѢДЧЯ.
ДѢ ОУЖ, МЯТИ, СЫНЫ СЫНОЕ ВИДИТЪ,	ОРА И ГОСПОДСТВО ВРАГИ НѢ ШЕИДИТЪ,
7 ОРЕЛА И ПОЛКЪ СЕБѢ И ГРАЖДАНСТВО	И СТРАНИ, НА КОИ ШЕИНЫ ГЕРБЪ ЧИТАЕМЪ.
ЗНАЕМЪ,	

Перед нами – текст, составленный по принципам эстетики позднего Ренессанса и барокко, диктующим построение словесно-визуальной композиции как единства трёх компонентов – заглавия (*inscriptio*), изображения (*pictura*) и подписи (*inscriptio*)³³. Подобным образом украшали жилища и другие вельможи. «Гербъ за стекломъ, в рамехъ позолоченныхъ» висел, например, на стене парадной залы дома князя В.В. Голицына, такие же изображения красовались на его княжеской карете и парадной столовой посуде. Сподвижники Петра I – князь Иван и Юрий Юрьевич Трубецкие также поместили на потолке своих палат родовой герб с фигурой орла, который К. Истомин сопровождал виршами³⁴.

Гербы Голицыных и Трубецких относятся к начальному этапу складывания геральдики русских служилых родов на Руси – второй половине XVII в. Он был связан с одной из главных черт культуры восточнославянского барокко – эмблематической поэзией, основанной на композиционном единстве надписи (девиза), изображения и стихотворной или прозаической подписи. Это отражало вкусы эпохи, зачастую воспринимавшей окружающий мир как систему сим-

³¹ Корб И. Указ. соч. С. 88. См. также: Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Т. III. 1698–1699 гг. М., 1946. С. 15–16.

³² ГИМ ОР, Чудовское собр. № 300, л. 261 (черновой автограф К. Истомина). В полном соответствии с автографом публикуется впервые. Надпись, если она существовала в действительности, утрачена в сентябре 1699 г., когда палаты А.С. Шеина сгорели в пожаре. См.: Корб И. Указ. соч. С. 166.

³³ Махов А.Е. Эмблематика. Макрокосм. М., 2014. С. 5.

³⁴ Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893. Стб. 42, 283, 190, 191, 193, 283, 284, 560; ГИМ ОР, Чудовское собр., № 302, л. 161 (черновой автограф К. Истомина); Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 313.

волов и знаков, а слово – как связующий их элемент, входящий в пространство объекта (будь то герб, обелиск, триумфальные ворота, здание, предмет быта и т.п.) и составляющий с ним единое целое³⁵.

Как и иные западные новшества, проникшие в то время в русскую элитарную культуру, «геральдический вкус» на бытовом уровне выразился в появлении личных печатей с гербами, украшении гербами бытовых предметов, и т.п.³⁶ Большую роль в утверждении традиций геральдики на русской почве сыграли представители выезжих шляхетских родов из Речи Посполитой, которые подавали в Посольский приказ челобитные об утверждении за ними фамильных гербов³⁷. Однако геральдические традиции на их родине имели существенные отличия от западноевропейских. В Речи Посполитой, например, распространены были не личные гербы, а территориальные, связывавшие шляхетство с хоругвью – земельной воинской единицей, к которой шляхтич был приписан³⁸.

В Левобережной Малороссии, вошедшей в состав России в 1654 г. (а до того бывшей частью Речи Посполитой), атрибутом шляхетства также был герб, считавшийся наглядным доказательством сословных привилегий и равноправия с польским дворянством³⁹. Право на пользование гербами для русского, литовского, малороссийского и белорусского боярства вне зависимости от вероисповедания, утверждённое Львовским привилеем короля Владислава II (Ягелло) в октябре 1432 г., предусматривало в первую очередь приобретение герба с польской шляхетской эмблематикой⁴⁰. Вместе с тем, вирши «на герб», одна из популярнейших тем в малороссийской поэзии начиная со второй половины XVI в., являлись знаковым символом православного шляхетства. Малороссийский шляхтич, будучи носителем родового герба, подчинял жизнь двум основополагающим идеалам – продолжению традиций рода и сохранению веры предков. Шляхетский герб помещался и на надгробных плитах⁴¹. Но если на землях Речи Посполитой (в том числе в Малороссии и Белоруссии) геральдическая поэзия приобрела характер «гербомании», то на Руси «стихи на герб» не получили широкого распространения.

Орёл входит в круг наиболее распространенных геральдических эмблем эпохи барокко и с XVI в. наряду со львом, единорогом и грифоном, являясь одним из излюбленных мотивов в московской дворцовой орнаментике⁴². В палатах Трубецких его изображение изначально рассматривалось в неразрывном единстве с надписью: орел держал в лапах свиток, предназначенный для стихотворной подписи. То же можно сказать об изображении орла в палатах Шейна, герб которого «представлял» древний служилый род и военные заслуги хозяина дома.

Подпись «на герб» – редчайший пример «гражданской» поэзии, иллюстрирующий смену вкусов московской элиты в конце XVII в. Данные вирши ге-

³⁵ Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 262–264, 325–327.

³⁶ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XX вв. М., 1981. С. 171.

³⁷ Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 212–213.

³⁸ Румянцева В.В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986. С. 38–40.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 40–41.

⁴¹ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 137–140; Авдеев А.Г. Стихотворная эпитафия... С. 80–92.

⁴² Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М., 2011.

нетически связаны со «строительной» эпиграфикой, однако не сообщают ни о времени строительства, ни о назначении здания. Они открывают новую систему координат в старорусской эпиграфике – родовой геральдической надписи. Её сердцевина – толкование эмблемы, которую можно назвать вертикальной осью данной системы.

Эпиграфические памятники, более тесно связанные с личностью Шеина, в отличие от иных категорий источников, свидетельствуют: принадлежа к древнему боярскому роду, полководец внутренне сохранил присущую человеку XVII в. разборчивость в принятии чужих ценностей и даже известный компромисс между приверженностью традиционным устоям Московской Руси и западническими устремлениями Петра I. В глубине души Шеин остался человеком старых традиций, в которых был воспитан, и, например, участие в крестном ходе с чудотворной иконой «к дому какого-то больного» было очень характерным для комплекса личного благочестия петровской эпохи⁴³. Несмотря на близость к царю, боярин обращался к нему в соответствии с укоренившимися в Московской Руси нормами чинопочитания – «Алешка Шеин», «всегдашни покорный услужникъ Алешка Ш.», «слуга вашей милости Алешка Шеин» и даже «холопъ твой Алешка Шеин»⁴⁴.

Эту двойственность хорошо уловил Карион Истомин: несмотря на пышное описание измышленного Шеиным новшества – фамильного герба – поэт видел в нём прежде всего старомосковского боярина, славного древностью рода, твёрдого в православной вере, храброго на службе царю, а главное, строящего жизнь на основе агиотипа следования Христу. Даже орёл, геральдический символ Шеина, рассматривается как знак, возвещающий долголетие и славу роду богохранимых хозяев здания.

Закономерно, что в ещё одном стихотворении, предназначенном для палат Шеина, К. Истомин создал серию нравоучительных афоризмов в две строки, которые, очевидно, были размещены в отдельных картушах на стенах – может быть, в разных помещениях дома⁴⁵.

В СЛѢВУ БЖІЮ

ПАЛѦТА СІМЪ КЪ СЛѢВѢ БІѦ НОВА

ХРІСТИНИНОМЪ БО ЁСТЬЯМЪ ВЪ ТОѢ ЧЕТЬ И СЛѢВА,

Ѡ ХРАМѢ

НѢ РЦЫ Ё НѢИ СЛѢГО И СКВЕРНА ВОСІКЪ СЛОВА.

ЯЩЕ ДЕРЖАТСЯ ВЪ ПРѢВѢ ДОБРѦ НРѢВА.

Ѡ ОЫТНОСТИ ПРИ СЛОВѢ ТОМЪ

ЖІТИ И БЫТИ КОМУЖДО ГДѢ Ё ДОМѢ

ЧЕСТНОУ, ВЪЖАНИУ, НЕ БУДЕШИ Ё ГРОМѢ.

Ѡ ВОПРОСѢ Ё ДОМѢ СХІЩІ

КТО КОГО ПРІЙДЕТЪ Ѡ ЧѢМЪ ВОПРОШАТИ,

ИСКУСТВО ЗНАИ, ТШІСМЪ ѠВѢЩАТИ.

⁴³ Корб И. Указ. соч. С. 38; Сергазина К.Т. Традиции и инновации: история князя Ефима Мещерского как пример личного благочестия горожанина петровской эпохи // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXX: Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию дома Романовых (1613–2014). Материалы научной конференции. СПб., 2013. С. 267.

⁴⁴ Письма и бумаги... С. 547, 571, 678, 714; ПСЗ-I. Т. 3. С. 453.

⁴⁵ ГИМ ОР, Чудовское собр., № 300, л. 261 (черновой автограф К. Истомина). В полном соответствии с автографом публикуется впервые.

Ѡ ДВЕРѢ

Ѡ ДВЕРИ НЕ ХОДИ, ГДѢ ТИ НЕ ВЕЛѢННО,

САХЧАН ВРЕМЯ В ДОМАШНѢ ИЗМѢННО.

Ѡ БѢНѢ

БѢНѢ Ѡ ПЛАЧѢ ЛЮДЕМЪ СЕБѢ ДАВЛЮТЪ,

ОЧЕИ БЕЗЪСТЫДНО Ѡ НЕИ НЕ ПРОДАВЛЮТЪ.

Ѡ ЗРѢНН

Ѡ ВСЕМЪ РАЗУМЕИ, ГДѢЛИ ПРИХОДИШИН,

ДѢЛА ПОТРЕБНА В ПОЛЗѢ БУДИ ЗРѢШИН.

Ѡ ДОЛЖНОСТИ

БЫТИ ПРИ ЛЮДЕМЪ ЧЕСТНЫѢ БѢГУРОДНЫѢ

ДОБРА НАВЫКНУТИ РАЗУМОѢ СВОБОДНЫѢ.

Ѡ ЖИЗНИ В ДОМѢ

ЖЕНАМЪ И ДѢВЛАМЪ ЖИТЬ ВЪ СВОИѢ ЖИЛИЩАХЪ,

ВОЗДЕРЖНОТѢ ХРАНИТЪ Ѡ ПИТИ И ПИЩАХЪ.

Ѡ УКАЖЕНІИ КОМУЖДО

НЕ БЕЖОДНЫМЪ БЫТИ РАБОМЪ И РАБЫННѢ,

САЖИТИ ГОСПОДА В ПРАВДѢ ГОСПОДЫННѢ.

Можно заметить, что этот «мини-Домострой» принадлежит двум культурам – барокко и Московской Руси. Как барочное произведение он относится к категории девизов, задача которых отражать в слове личную позицию человека и жизненное пространство, где он существует и выражает себя⁴⁶. Но дело в том, что вирши содержат традиционные нормы поведения, сложившиеся в Московской Руси в середине XVI в.: не сквернословить в доме, держаться «добраго нрава», быть вежливым в обхождении, не смотреть бесцельно из окна на улицу, честно исполнять свой долг, хранить умеренность в питье и пище и т.п. Для сравнения необходимо обратиться к нормативному памятнику новой культуры – «Юности честному зерцалу», традиционно считающемуся компиляцией фрагментов, почерпнутых из западноевропейских нравоучительных сборников и адаптированных к российской действительности⁴⁷. С подобных «мини-Домострою» наставлений, расположенных в алфавитном порядке, начинается его вторая, «педагогическая», часть⁴⁸. Думается, следует признать правоту В.В. Глебкина, который на основе сравнительного анализа «Домостроя» и «Юности честного зеркала» сделал вывод об отсутствии кардинального культурного разрыва между XVII и XVIII в. и сохранении в обеих эпохах базовых христианских ценностей⁴⁹. Найдя отражение в «мини-Домострое», они оказываются горизонтальной осью складывавшейся системы координат.

⁴⁶ Махов А.Е. Указ. соч. С. 22.

⁴⁷ Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы: Т. 3. Из истории развития русской поэзии XVIII века. СПб., 1902. С. 230–231.

⁴⁸ Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению, собранное из разных авторов. Напечатано повелением Царского Величества. СПб., 1717. С. 12–22.

⁴⁹ Глебкин В.В. От христианина к дворянину (системы базовых ценностей «Домостроя» и

Место в перекрестии осей принадлежит надгробию Шеина (см. прил.). Согласно сложившейся традиции, полководец был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре, где покоились его предки (вклады представителей этого рода в обитель известны с начала XVI в.). Наиболее раннее из сохранившихся надгробий принадлежит Юрию Дмитриевичу Шеину, умершему, очевидно, в 1544 г.⁵⁰, но точное расположение родового некрополя Шеиных неизвестно. Видимо, он находился близ Духовской церкви, как и могила самого полководца.

Как сообщает безымянный биограф митрополита Стефана Яворского, Пётр I захотел «яко славному военачальнику, за многия воинския славныя подвиги его» устроить Шеину «честное погребение, на котором бы и слово надгробное было, таковому действию приличное» – так, как хоронили великих полководцев древности, что стало явной модернизацией чина погребения. Кто-то вспомнил об игумене Киево-Печерского монастыря Стефане Яворском, недавно прибывшем в Москву. Ему царь и поручил произнести надгробную речь. Талантливый проповедник, «аще и не имейше времени и места к приуготовлению слова; и тако изрядно сказа, яко Благочестивый Монарх зело усладися и похвали его и возлюбил»⁵¹. В сущности, кончина Шеина ознаменовала зарождение новой воинской традиции – погребения великих русских полководцев. Её основой стала смесь античных и православных обычаев.

Можно сказать, что Шеин оказался первым и в новой монументальной культуре России. Его надгробный памятник не имел аналогов ни по форме, ни по содержанию. Сохранившееся описание позволяет предположить, что это была высокая четырёхугольная тумба, на каждой стороне которой располагались мраморные доски с вырезанными на них эпитафиями. Её верхние углы украшали резные надписи, где перечислялись добродетели покойного – «Свѣтильникъ добродѣтели», «Свѣтильникъ вѣры», «Свѣтильникъ любви», «Свѣтильникъ истинны», аналогии которым можно найти в канонах и акафистах православным святым. Можно предположить, что по форме это сооружение походило на один из первых гражданских монументов Москвы – установленный на Красной площади в 1700 г. каменный «столп», на четырёх сторонах которого были укреплены железные доски с обозначением «прегрешений» мятежных стрельцов.

Две плиты несли прозаический текст, в основу которого, видимо, легли наиболее выразительные фрагменты надгробного слова Стефана Яворского, так полюбившегося царю-реформатору. На двух других – стихотворные надписи, судя по содержанию, сопровождавшиеся изображениями: портретом Шеина в лавровом венке и его гербом, т.е. парящим орлом. Они стали первыми в намогильной монументике России и наряду с надписями индивидуализировали памятник, что можно считать новым явлением в русской эпиграфике рубежа XVII–XVIII вв.

Прозаическая часть эпитафии по структуре близка ораторскому произведению и построена как назидание «вѣрному православія сыну», что придало ей традиционный агиографический оттенок. А различные цитаты и реминисцен-

«Юности честного зеркала») // Культурроссика... о культуре и тех, кто её изучает // URL: <http://culturossica.ru>

⁵⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 97; *Смирнов С.К.* Надгробные надписи, открытые в Троицкой Лавре // Труды I археологического съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 423.

⁵¹ *Стефан Яворский, митр.* Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах. М., 1999. С. 119–120.

ции из Священного Писания и богослужебных текстов рисовали типичную для благочестивого православного христианина кончину. На такое восприятие настраивала одна из первых фраз, воспроизводящая в памяти Канон на последование погребения Иоанна Дамаскина. Аналогичные взгляды на уравнивавшую всех смерть можно найти в духовной грамоте Евфимия (Туркова), базировавшейся на том же Каноне, а также на Покаянном каноне Андрея Критского.

Эпитафия А. С. Шейна	Канон Иоанна Дамаскина на последование погребения ⁵²
Истинна есть, что всякому единъ конецъ – разлученіе души отъ тѣла; равно <u>всякъ перстнымъ покрывается бременемъ; ни силенъ, ни немощенъ, ниже пастырь смерти убѣгаетъ.</u>	Стихира, глас 2: <u>РАЗДРУШИТЕСЯ ВОЛКЪ ЧЛВКЪ...</u> Стихира, глас 4: <u>ГДѢ БѢТЬ РАБОУЯ МНОЖЕСТВУ И МОУЯ; ВОЛ ПЕПЕ⁴, ВСЕ ПЕРЕТЬ, ВОЛ СТНЬ</u> Стихира, глас 5: <u>И ПАКИ РАЗМОТРИХЪ ВЪ ГРѢБѢХЪ, И ВІДѢХЪ КІОСТИ ОУБІЯЖЕНЫ, И РѢХЪ: ОУБО КТО БѢТЬ ЦРЬ, ИЛИ НИЩЪ, ИЛИ ПРѢНИКЪ, ИЛИ ГРѢШНИКЪ</u>

Приведённые цитаты показывают, что в целом данные строки эпитафии связаны с традиционными для русского православия воззрениями на уравнивавшую всех смерть.

Важно отметить смещение смыслового поля надгробной надписи Шеина. В последней трети XVII в. объём информации в «воинских» эпитафиях существенно расширился, что С.Ю. Шокарев справедливо связывает с развитием идеологии служилого сословия⁵³. Примером служит надгробие М.В. Апраксина из Златоустовского монастыря в Москве, который в 1667 г., возвращаясь с государственной службы, был «отъ Калмыковъ и отъ Башкирцовъ изъсѣченъ многими ранами и изъстрѣленъ»⁵⁴. Рассказ об обстоятельствах и месте гибели боярина и сопровождавших его людей, о поисках его тела и погребении занимают основной объём надписи.

Шейн не погиб на поле боя, и основное содержание эпитафии на южной стороне его памятника представляет собой изложение идеала военной службы монарху. Текст подчёркивает, что надгробие венчает могилу военачальника, повторившего судьбу великих полководцев языческой древности: «Сице убо и многихъ, яко Енея и Ганнибала, вожди Карта<г>инскіе, сочисляетъ въкъ древнихъ, обаче не имущихъ правоверія, уснуша сномъ смерти и сѣдоша въ темныхъ и сѣни смертней». Для Петра I внедрение античных воинских традиций стало одним из важнейших шагов по модернизации военной идеологии. Не важно, что прародитель римлян Эней здесь был назван карфагенским полководцем, главное в том, что Шеина уподобили героям античности, а не, как следовало бы ожидать, ветхозаветным воителям и святым воинам, хотя и «за предвѣчную честь тріпостаснаго Божества великодушно подвизался на бранѣхъ». В качестве примера можно привести «Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского», где полководческий талант характеризуется серией

⁵² Требник митрополита Петра Могилы. Киев, 1646 (репр.: Киев, 1996). Л. 606, 608, 609.

⁵³ Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь. На материалах Москвы XIV–XVII вв. // Культура памяти: Сборник научных статей. М., 2003. С. 172.

⁵⁴ Надгробие утрачено после сноса монастыря в 1933 г. Изд.: Достопамятности Москвы. Изд. К.Я. Тромонин. М., 1846. С. 55; Григорий А. Историческое описание Московского Златоустовского монастыря. М., 1913. С. 20–21. № VI.

понятных всем ветхозаветных агиотипов: «Овии убо столпа его Руские земли глаголаху, инии же тверда и велика града именовашу, инии же яко новаго Иисуса Наввина нарицаху его, инии же яко Гедсона и Барака, или Самсона, победителя иноплемеником... овии же яко Давида, отомстителя врагом, зваху или яко Иуду Макиавейского, въ толкое в нужное время добре храбровавшего»⁵⁵. Данные примеры хорошо демонстрируют инициированное Петром I движение смены символики воинской славы от Ветхого Завета к «Ветхому» Риму.

Между тем Шеин-генералиссимус в эпитафии отсутствует: все ратные подвиги совершены Шеиным-воеводой. Благочестивая же его кончина, о которой говорится на западной доске, отражала идеал Московской Руси и потому представлена набором агиотипов, организованных в форме акафистного стиха:

«— Радуйся, презрядно и премудро-храбрый воине, Алексѣй Семеновичъ, Воевода войск Великороссійскихъ;

— Радуйся, душею отъ тѣлеснаго изыдый къ жениху съ свѣтильникомъ горящимъ въры, любви, добродѣтели, истинны и погребенъ есть на святомъ семъ мѣстѣ до будущаго воскресенія».

Первый стих обращает память к знаменитому кондаку Богородице «Взбранной воеводе», второй — к евангельской притче о мудрых и неразумных девах (Мф. 25: 1–13), очевидно, отсылая к характеристике полководца на южной доске: «мужъ благочестивъ и премудръ». Основной же объём прозаической части занимает рассказ об участии Шеина в торжествах по случаю взятия Азова, включая описание «Марсоукрасительных» (показательный неологизм!) триумфальных врат. И здесь можно говорить о том, что возрождавшиеся зрелищные традиции Древнего Рима были настолько значимыми, что их увековечили в эпитафии.

Смешение воинских традиций Античности и Православия в целом характерно для правления Петра I, хотя многие важнейшие черты традиционных взаимоотношений между царём и церковью с 1690-х гг. существенно менялись при всегда декларируемой монархом приверженности православной вере⁵⁶. Это отразилось и на осуществлённых и неосуществлённых по его инициативе памятниках, «подписи» к которым являлись действенным орудием «монументальной пропаганды». После победы под Полтавой Феофан Прокопович обратился к царю с призывом как можно торжественнее её увековечить: «Тоеяждо твоея победителныя славы образы, знамения и памяти не токмо на великих столпах, стенах, пирамидах и иных зданиях искусно изобразати, но и на малых оружиях и орудиях начертавати подобает... да о преславном сем и общаго благополучия виновном деле не токмо великих риторов громы и рифмотворския гласят трубы, но и малыя малых и малоумных вещателей пищали да не молчаливы будут»⁵⁷.

Думал об этом и Пётр I. Оставшийся неосуществлённым его план сооружения мемориала на месте Полтавской победы предусматривал — в традициях Московской Руси — «поставить монастырь мужеской и в нем церковь каменную же во имя святых верховных апостолов Петра и Павла, нижнюю преподобного Самсона странноприимца, на которого память та преславная виктория получена». Однако основой мемориала должен был стать не имевший ещё

⁵⁵ Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI — начало XVII в. СПб., 2006. С. 142.

⁵⁶ Ср.: Агеева О.Г. Указ. соч. С. 71–72.

⁵⁷ Феофан Прокопович. Панегирикос // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 182.

аналогов в России монумент воинской славы, снабжённый конным изображением Петра I: «А пред церковию сделать пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под нею бой, самым добрым художеством. А по сторонам той пирамиды на досках медных учинить подпись с объяснением всех действий от вступления в Украину того короля шведского и с получением той баталии»⁵⁸. Важно, что первым в ряду таких памятников был установленный Шеину.

Что же касается стихотворных эпитафий на надгробии полководца, то они в кратком виде излагают основные мысли прозаической части, причём их содержание, главным образом, соответствует старомосковским традициям. В частности, строка «общей матери въ лонѣ погребенный» находит прекрасную аналогию в эпитафии Ивана (Головы) Соловцова (конец XVI в.)⁵⁹. В духе воинских традиций Древней Руси Шеин охарактеризован как

«Вождь войскъ Россійскихъ, Воевода славный,
Въ бою храбръ, въ вѣрѣ православный»,

который

«Благочестно жилъ и угодно Богу,
Твориль Царскую в боях службу многу».

О подобных ценностях, укоренившихся в служилом сословии как минимум к концу XVI в., писал в духовной Иван (Голова) Соловцов⁶⁰. Именно они стали ядром новой, европейской по сути, системы воинских традиций, возвращаемой Петром I. Но деятельность Шеина в эпитафии рассматривается ещё как служба государю и церкви, тогда как царь-реформатор возвращал новый идеал – службу государю и отечеству.

Таким образом, надгробный памятник Шеина в единстве внешней формы и эпиграфического содержания является символом исторического перепутья России, отказывавшейся от вековых традиций и прокладывавшей путь к западной культуре, но сохранившей ядро национальной религии и бытовой культуры⁶¹. Именно на этот период пришлась вторая половина жизни Шеина, что отразил комплекс связанных с ним эпиграфических памятников.

Подведём итог. Рассматриваемые эпиграфические памятники принадлежат стыку двух эпох – Московской Руси и Петровской России, хотя надписи демонстрируют постепенный уход поколения, родившегося, выросшего и сделавшего карьеру при первых Романовых, воспитанного в ценностях, сформировавшихся в XVI–XVII вв., и остававшихся основой их мировосприятия и переданных детям. Идеал их жизни – «быти во всякомъ христіанскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правда, с вѣрою творяще волю Божию и хранящи заповѣди Его» – был сформулирован ещё в Домострое⁶². Естественным итогом земного существования считалась благочестивая кончина «с исповеданием и покаянием сердечным и причащением тела и крове Христа Бога нашего»⁶³.

⁵⁸ Письма и бумаги... Т. IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 285.

⁵⁹ Авдеев А.Г., Донской Г.Г. «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов // *Palaeoslavica*. 2014. Т. XXII. № 2. С. 122–123.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Ср.: Агеева О.Г. Указ. соч. С. 74.

⁶² Домострой. СПб., 1994. С. 9.

⁶³ Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 54.

Нормативным памятником нового поколения, родившегося в годы петровских преобразований, стало «Юности честное зерцало», однако оно не ознаменовало кардинального разрыва с базовыми ценностями Домостроя. Надписи, связанные с Шеиным, демонстрируют начало европеизации идеала, в котором традиционные агiotипы и нормы быта стали сосуществовать с образами античной мифологии и европейской воинской культуры. Тем не менее старые традиции продолжали развиваться, наполняясь новыми элементами. Так, надгробия 1720-х гг., сохранившиеся в старейшем некрополе Санкт-Петербурга в Александро-Невской лавре⁶⁴, хотя и отличаются от старорусских надмогильных плит пышностью декоративного оформления, а иногда и материалом, но структура эпитафий наследует характерный для второй половины XVII в. набор информационно-единиц «фактографического» типа.

Приложение

Эпитафия Алексею Семёновичу Шеину

Южная сторона памятника

Стани умильно пришедый надъ гробное сіе мѣсто верный православія сыне! прости очеса свои и виждь, кто въ нѣдрахъ здѣ почиваетъ земныхъ? Истинна есть, что всякому единъ конецъ – разлученіе души отъ тѣла; равно всякъ перстнымъ покрывается бременемъ; ни силенъ, ни немоощенъ, ниже пастырь смерти убѣгаетъ. Сие убо и многихъ, яко Енея и Ганнибала, вожди Карта<г>инскіе, сочисляеть въкъ древнихъ, обаче не имущихъ правоверія, уснуша сномъ смерти и сѣдоша въ темныхъ и сѣни смертней. Сей же съ міромъ разлученный мужъ благочестивъ и премудръ, вождь войскъ Великороссійскихъ, бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, наипаче отъ прещедрыя Божія десницы вѣчную обрящетъ славу; понеже за предвѣчную честь тріипостаснаго Божества великодушно подвизался на бранѣхъ, увидѣ бо въ немъ цѣломудріе премудрость пресвѣтлаго Монарха, что под его раменство Великороссійскія войска вручилъ. Идѣже бусурмане, видѣвши въ войскахъ его храброе раденіе, богомерзкія знамена и главы свои, побѣжденныи подъ нозѣ православно-восточному Монарху, Пресветлому Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу подклонили и Азовъ замокъ Турецкія страны в вѣчную область Самодержцу и Государю предали.

Западная сторона памятника

Здѣ положенъ есть съ міромъ разлученный,
Общей матери въ лонѣ погребенный,
Вождь войскъ Россійскихъ, Воевода славный,
Въ бою храбръ, въ вѣрѣ православный.
Увиждь, что главу его окружаетъ,
Рабъ отъ Владыки тако ся вѣнчаетъ:
Лавромъ, пальмою безсмертныя славы
Увѣнча его Царь всяя державы.
Яко цвѣтъ увядаетъ.

Северная сторона памятника

И ради царство-пріятныхъ избранныхъ его отъ службъ отъ зачатія Великороссійскаго Монаршества не слыхано, яко ему въ семъ первопрестолномъ градѣ Москвѣ въ тріумфальныхъ вратахъ преизящными утварями Марсоукрасительными неувядаемыми лаврами Геркулесъ непобѣдимый, съ даровительными пельмами убранный, преслед-

⁶⁴ Художественное надгробие... С. 23–24 (А.П. Апраксин, ум. 19 февраля 1725 г.), С. 87–88 (И.И. Ржевский, ум. 1723), 89 (Д.Г. Ржевская, ум. в 1720 г.).

кими мусикійскими гласы съ велегласно вѣщательными и всенародно слышательными прекрасными словесы: радуйся, преизрядно и премудро-храбрый воине, Алексѣй Семеновичъ, Воевода войскъ Великороссійскихъ! встрѣчали, достойтъ его славу записать и на скрыжаляхъ сердца изобразити на вѣчномъ мраморѣ, занеже отъ 1652 года 8 мѣсяца своего рожденія въ вѣрѣ несумненной дойде 1700 года Февраля противъ 12 числа, въ нощи, въ шестомъ часу. Радуйся, душею отъ тѣлеснаго изыдый къ жениху съ свѣтильникомъ горящимъ вѣры, любви, добродѣтели, истинны и погребень есть на святомъ семь мѣстѣ до будущаго воскресенія. Ему же тогда да будетъ вѣнецъ нетлѣнны, здѣ же память вѣчная въ непреходное время.

Восточная сторона памятника

Преславна вождя гербъ Орель парящій
Зритъ трисіяннй свѣтъ присносвѣтящій.
Благочестно жилъ и угодно Богу,
Творилъ Царскую в бояхъ службу многу.
Въ 1700 лѣтъ о Бозѣ скончася,
Взялъ персти иго въ тое время на ся,
Свѣтиломъ вѣры къ жениху изыде
И на всеблаженный покой на радость совниде.

На углахъ гробницы:

«Свѣтильникъ добродѣтели», «Свѣтильникъ вѣры», «Свѣтильникъ любви», «Свѣтильникъ истинны».

1700 г. 12 февраля. Троице-Сергиева лавра. Участок некрополя у юго-западного угла Успенского собора.

Изд.: Древняя Россійская Вивлиофика. Т. XVI. М., 1791. С. 324–326 (гражданским шрифтом); с него: [Саитов В.И.] Московский некрополь. Т. III. СПб., 1908. С. 338–339 (гражданским шрифтом); Шеин А., Могильников В. Указ. соч. С. 19 (гражданским шрифтом, в современной орфографии).

Памятник утрачен в XIX в., и среди списка лаврских надписей, изданных архимандритом Леонидом в 1872 г., не упоминается.

Публикуется по списку в ДРВ.